

Это было, было...

Симонов Дмитрий Михайлович, советник юстиции, инвалид ВОВ, 1922 года рождения. Работал следователем прокуратуры Троицкого, Ребрихинского районов, помощником прокурора Троицкого и Ребрихинского районов, прокурором Тюменцевского, Родинского районов.

Время летит неумолимо. Уже 54 года кануло в вечность с того дня, как я начал работать в органах прокуратуры. Что же сохранила память за прошедшее время? Добровольный уход на фронт. Непродолжительные, но тяжелые бои в декабре 1942 года на сталин-

ПРОКУРАТУРЕ РОССИИ 285 ЛЕТ

градском театре военных действий. Тяжелое ранение в разведке с боем и полугодовое нахождение на излечении в госпиталях. Только в июне 1943 года я вернулся в родное село инвалидом Великой Отечественной войны.

Отказавшись от пенсии, стал работать секретарем Загайновского сельсовета.

Осенью 1943 года судьба свела меня с прокурором Троицкого района Федором Сергеевичем Бесчетновым. Находясь в командировке в Загайново, он предложил мне пойти работать к нему помощником прокурора.

Я сказал ему, что у меня нет ни юридического, ни общего среднего образования. Федор Сергеевич ответил, что у него самого всего 4 класса церковно-приходской школы да партийный билет в кармане. Партия направляет на работу в прокуратуру, вот он и работает, и не хуже других. После таких «доводов» я согласился с его предложением. В те времена вопросы с кадрами в прокуратуре были сложными и решались быстро.

В начале декабря 1943 года поступил приказ прокурора края о назначении меня помощником прокурора Троицкого района. Как раз мне только исполнился 21 год. Работа началась одновременно с учебной работой по практической прокурорской деятельности. Учил меня Федор Сергеевич по своему методу, заявляя, что плавать учиться надо на глубине, в омуте, а не на мели у берега. И действительно кидал в омут жизни. Уже через неделю я был послан им в суд выступать государственным обвинителем (сейчас представляю, какой из меня был тогда государственный обвинитель!).

Так учились и работали.

Я занимался в одном кабинете с народным следователем Колтуковым. Присматривался к его работе, интересовался процессом следствия, оформлением уголовных дел. Работа народного следователя мне нравилась.

В марте 1944 года Колтукова отправили на работу прокурором в другой район. Я же попросил своего прокурора перевести меня на должность следователя, что и было сделано. Не ведал я тогда, что взвалил на свои плечи непомерный груз, но отступить было нельзя.

С этого момента началось постижение следственной практики. Сначала были простые дела, а затем все сложнее и сложнее.

В военное время на одного следователя была возложена обязанность вести борьбу с дезертирством в военной промышленности. Хотя процесс следствия по этим делам был упрощен, однако их было много.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

Они были подсудны военному трибуналу. Ежемесячно до десяти дел направлялось в трибуналы.

Работали без выходных, до 11-12 часов ночи. Это был узаконенный режим рабочего времени.

В 1944 году в основном преобладали дела о растратах и хищениях продуктов питания и денежных средств. Этим видом преступлений особо были поражены финансовые органы. В 1944-1945 годах были вскрыты крупные хищения денежных средств финансистами Южаковского, Вершининского, Беловского и Заводского сельских Советов. Дело в отношении 3-х южаковских финансистов, похитивших путем подделки корешков квитанции по сбору налогов крупную сумму средств, рассмотрено Алтайским краевым судом. Виновные были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

Осенью 1944 года мне впервые пришлось принять участие в расследовании дела о загадочном исчезновении молодой учительницы на 13-м участке Боровлянского леспромхоза. Там проживало около 15 семей. Были начальная школа с одним учителем, медпункт с фельдшером и контора начальника участка. Молодая учительница вечером после занятий в школе, убравшись в квартире, приготовив дрова для топки плиты, в летнем платье вышла из дома, и больше ее никто не видел.

Прибыв в поселок вместе с прокурором Бесчетновым, мы вместе допросили всех жителей участка. Был пущен слух, что учительница уехала с шофером на автомашине, а фельдшер участка заявил на допросе, что в день исчезновения учительницы, вечером на окраине поселка он видел начальника участка верхом на лошади, а впереди через седло был перекинут предмет, похожий на темный мешок или человеческое тело. На допросе начальник участка Греуль этот факт отрицал. Не подтвердил он показания фельдшера и на очной ставке. По подозрению в убийстве учительницы Греуль был арестован. Однако после тщательной проверки через 10 дней был из-под стражи освобожден. Труп учительницы обнаружили весной 1945 года в камышах на болоте рядом с участком. Сразу бросилось в глаза то, что ноги девушки были обмотаны большим количеством бинтов. За них, видимо, убийца волок труп.

Сразу же возник вопрос: у кого на участке может быть такое количество бинтов? Подозрение пало на фельдшера!

Задержанный фельдшер на первом же допросе признался в совершении убийства учительницы. На вопрос о мотивах заявил: не поделил

ПРОКУРАТУРЕ РОССИИ 285 ЛЕТ

ли продуктовые карточки. Стали понятны и его показания, данные им осенью 1944 года на начальника участка.

В конце 1944 года по направлению прокуратуры края учился на организованных при краевом суде трехмесячных курсах подготовки судебно-прокурорских работников. Это было мое первое юридическое образование.

Условия работы в то время были тяжелые, из транспортных средств – одна лошадь. От райцентра до ближайшего села приходилось добираться пешком, а там – на перекладных до следующего села. Бумаги чистой, не говоря уже о бланках, не было. Писали на газетах, старых книгах. Считали за счастье, если попадали архивные бумаги, обратная сторона которых была чистая. Снабжались работники прокуратуры по карточкам, по ним давали 500 граммов хлеба.

*г. Барнаул, апрель, 1945 год. Конференция лучших следователей.
В четвертом ряду первый слева – Симонов Д.М.*

Чтобы как-то облегчить положение с питанием, прокурор организовал посев проса. Собранное зерно рушили на крупоружках и раздавали всем работникам прокуратуры. В 1945 году в штате кроме меня работали прокурор Бесчетнов, его помощник Широ, следователь Ломакина и секретарь Ларцева.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

С окончанием войны работы не убавилось. Участились случаи недостач и растрат в системе потребкооперации в отделах рабочих и снабжения леспромхозов, а их в районе было пять. Приходилось выезжать в командировки с десятками материалов о недостачах. Возвращались из командировки с готовыми для передачи в суд уголовными делами. Два дела о хищении были краевой подсудности.

В январе-феврале 1946 года в Беловском свиновосхозе за полтора месяца пало 1136 голов крупного поголовья свиней. Был причинен большой ущерб государству. Руководители совхоза выдвинули версию о том, что падеж свиней произошел вследствие умышленного отравления мышьяком. В совхоз выехал начальник НКГБ Пупышев. О массовом падеже свиней стало известно крайкому ВКП(б) и прокуратуре края. Бесчетнов, не дожидаясь особых указаний свыше, возбудил уголовное дело и предложил мне выехать в совхоз.

Взяв с собой главного врача райветлечебницы, выехал в совхоз. Мы обошли ферму, я допросил свиначков, бригадиров, управляющих. Было установлено, что основным кормом в это время в совхозе был хлопчатниковый жмых да рыбий шрот, так как по вине директора совхоза Небылицы и его заместителя своевременно не были оформлены наряды на поставку совхозу комбикормов. Хлопчатниковый жмых скармливали безо всякой нормы, в результате в организме свиней скапливался яд, и животные гибли.

В Новосибирске были проведены ветеринарная и химическая экспертизы кормов и туши павшей свиньи. По заключению ветлаборатории, падеж свиней в Беловском совхозе произошел от отравления хлопчатниковым жмыхом.

Мышьяка ни в кормах, ни в трупе свиньи обнаружено не было. Контрреволюционное дело у начальника НКВД лопнуло.

По представлению прокурора края дело рассматривалось на бюро крайкома ВКП(б). Директора Небылицу исключили из партии и арестовали. К уголовной ответственности были привлечены также его заместитель и главный зоотехник совхоза. Дело рассматривалось краевым судом. Директор был осужден к десяти годам лишения свободы, а остальные – к различным мерам наказания.

Весной этого же года в Заводском сельском совете случилось ЧП. По решению исполкома сельсовета, санкционированного председателем райисполкома Мальцевым, было организовано массовое выселение семей красноармейцев и вдов из лесного села в колхоз «Великий Октябрь». При этом использовалась воинская часть и мотодрезина. Об этом стало известно Бесчетнову от одного из выселенных граждан.

ПРОКУРАТУРЕ РОССИИ 285 ЛЕТ

Прокурор района сообщил об этом в прокуратуру края, предложил мне немедленно выехать в Заводское и приступить к расследованию, что я и сделал. За сутки я допросил всех потерпевших, командира воинской части, солдат, принимавших участие в выселении, и других очевидцев. На следующий день в Заводское приехал прокурор края Игнатий Андреевич Баранов. Ознакомившись с делом, Баранов собрал всех виновных в выселении во главе с председателем сельсовета, приказал им немедленно явиться в прокуратуру района, где и арестовал их на следующий день. Дело было передано для дальнейшего рассмотрения старшему следователю прокуратуры края. Это дело имело большое политическое значение, рассматривалось на бюро крайкома ВКП(б), где секретарь крайкома Беляев задал председателю райисполкома Мальцеву вопрос: «Как же ты додумался пушками проводить коллективизацию в районе?».

Это дело рассматривалось выездной сессией краевого суда. Обвинение поддерживал лично прокурор края Баранов.

После этого Баранов стал поручать мне расследования дел и в других районах.

В ноябре 1946 года он поручил мне расследование дела в отношении секретаря райкома, председателя РИКа и зав. РайЗО Быстроистокского района.

Руководители этого района не сумели организовать уборку урожая, и часть необранного хлеба ушла под снег. Чтобы скрыть это, они дали указание председателям колхозов все поля, ушедшие под снег, включить в сводку как убранные.

Вместе с главным агрономом РайЗО и прокурором района мы посетили все колхозы. На месте я допросил председателей колхозов, которые подтвердили факты, восстановил действительное положение с уборкой урожая в районе и весь материал представил прокурору края. Этот материал по представлению прокурора края рассматривался на бюро крайкома партии...

1947 год запомнился разгулом бандитизма и убийств. Население райцентра было терроризировано рядом вооруженных ограблений квартир, совершением убийств.

Это был год издания указа Президиума Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и личной собственности граждан, мера наказания по которым была повышена до 25 лет лишения свободы. В это же время был издан указ об отмене смертной казни, что усугубило всплеск особо опасных преступлений.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

В июне 1947 года в селе Белое Троицкого района была убита семья директора школы Хомутова, состоящая из 6 человек. Это зверское преступление (все жертвы были зарублены топором) стало достоянием общественности района и края. Прокуратура края, краевой комитет партии дело поставили на особый контроль.

Расследовать чудовищное преступление пришлось мне.

Страшно было смотреть на груды трупов в двух комнатах, залитых кровью. По горячим следам было установлено, что на квартире у директора проживал молодой парень. Кто этот парень, кем он доводился директору, никто не знал. Накануне убийства директор вместе с ним ездил в Троицкое в госбанк, где получил 14000 рублей – отпускные для учителей.

Было установлено, что вечером директор роздал деньги учителям, оставив свои отпускные и отпускные своей жены и ее сестры.

После убийства парня в доме не оказалось. На полу были обнаружены его вещи, на которых он спал. Возникли две версии: либо убийцей является этот парень, либо и он убит, а труп спрятан.

Подозрения в убийстве пали на этого человека. Я узнал, что в Усть-Пристанском районе живут родственники директора. Пришлось срочно выехать туда, найти родственников убитого и допросить их. Они рассказали, что в Новосибирске с мачехой проживает племянник убитого директора, что он тоже Хомутов, работает кочегаром на пароходе «Комсомолец», курсирующем между городами Бийск-Новосибирск. К моему счастью, как раз в этот день пароход должен был прибыть из Бийска и сделать остановку в Усть-Пристане.

Когда пароход прибыл, я допросил капитана и установил, что Хомутов действительно работал кочегаром, но в начале июня 1947 года совершил вместе с соучастниками кражу 150 кг сыра и с парохода сбежал, что этим делом занимается транспортная милиция Барнаула. Прибыв этим же пароходом в Барнаул, я в отделе милиции изъял дело о краже сыра и приобщил к делу об убийстве. В дальнейшем было установлено, что Хомутов после кражи скрывался у своего дяди в селе Белое, где и совершил убийство.

С материалами дела я явился в следственный отдел прокуратуры края. Начальником следственного отдела была Дора Давыдовна Олховская. Через нее была установлена связь с управлением милиции Новосибирска, были оформлены документы на розыск и арест Хомутова, а через несколько дней его задержали на квартире своей мачехи. При нем оказались квитанции о сдаче вещей в камеру хранения, где были изъяты чемодан, в нем серый костюм и другие вещи убитого.

Так закончилось это дело. Парадоксально то, что за убийство 6 человек Хомутов краевым судом был осужден к 10 годам, а за кражу сыра – к 9,5 годам лишения свободы.

Летом этого же года мне пришлось расследовать дело банды Денникова, совершившей ряд вооруженных ограблений квартир граждан райцентра. Ко мне дело было передано после того, как Денников при попытке его задержания на привокзальной площади убил из пистолета бригадмилца Боброва и ранил начальника паспортного стола Чубарева. После совершенного убийства Денников со своим соучастником пытались скрыться из района, но случайно были задержаны железнодорожниками, у одного из них было с собой охотничье ружье. Денников и тут пытался бежать, выхватив пистолет, стал стрелять в железнодорожников. В завязавшейся перестрелке был убит.

После этого все члены этой банды в количестве 26 человек были в процессе следствия установлены и арестованы. Многие из них оказались несовершеннолетними.

Люди с облегчением вздохнули, узнав, что все преступники были осуждены.

Начиная с 1946 года, прокуратуру Троицкого района стал возглавлять прокурор Прошкин, который пробыл в районе до 1949 года. О его деятельности в районе за это время в памяти ничего положительного не сохранилось. В следственную работу он не вникал.

1948 год запомнился тем, что в районе произошли пожары. В Боровлянском военлеспромхозе сгорел лесопильный завод, такой же завод сгорел в Пессянском леспромхозе. В расследовании этих случаев принимал участие я.

В эти годы работа была напряженной. Приходилось ежемесячно оканчивать по 10-12 уголовных дел, из них были дела краевой подсудности. Помню, мною было окончено дело краевой подсудности в отношении главного бухгалтера АСМЧ-15 (особо строительно-монтажная часть), похитившего более 100000 руб. – по тем временам огромные деньги.

В 1949 году я заочно окончил 2-годичную Новосибирскую юридическую школу. После этого меня часто стали вызывать в краевую прокуратуру «на стажировку», суть которой заключалась в том, что давалась для изучения пачка уголовных дел, которые следовало изучить и дать по ним заключение.

В 1949 году, после того, как мною было окончено расследование дела о Бийском винзаводе, где ущерб государству составил более 2-х миллионов рублей, и оно было рассмотрено краевым судом, мне ста-

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

ли предлагать работу старшего следователя красной прокуратуры, а затем прокурора отдела по надзору за органами милиции. В это время начальником отдела работал замечательный человек, юрист с дореволюционным стажем Константин Андреевич Мокисевский. Две недели я проходил стажировку в его отделе и хорошо познакомился с ним. Однако от работы в краевом аппарате я вынужден был отказаться по веским причинам.

1948 год. Конференция следователей. В третьем ряду справа – Симонов Д.М.

А жизнь в районе продолжалась. В 1949 году прокурора Прошкина сменил прокурор Бабаков, который был на хорошем счету в прокуратуре края. С ним я работал в Троицком районе до июня 1951 года, а затем судьба свела нас снова в Ребрихинском районе в 1962 году. В 1951 году меня через крайком партии вынудили дать согласие на должность прокурора Тюменцевского района. Представлял меня первому секретарю крайкома Беляеву инструктор крайкома Боровиков, впоследствии работавший в крайпрокуратуре, а затем председателем краевого суда.

В июне 1951 года пришел приказ о моем назначении прокурором Тюменцевского района. Расстояние от Барнаула до Тюменцево – более 150 км. Добираться туда можно было только на автомашине. Прокурором края в то время уже работал Лев Николаевич Верещагин. Он помог мне с транспортом, и я с семьей прибыл в Тюменцево. Квартир-

ПРОКУРАТУРЕ РОССИИ 285^{ЛЕТ}

ры не было. Пришлось жить в здании прокуратуры. В 1951 году была страшная засуха. Все выгорело. Приходилось менять последние вещи на продукты. Вот в такой обстановке пришлось начинать работать в должности прокурора, к тому же не имея опыта.

50-е годы, Тюменцевский район. В центре: Д.М. Симонов с бригадой проверяющих из крайпрокуратуры

Дело усугубилось еще и тем, что в район прибыл новый секретарь райкома. Человек с диктаторскими замашками, он не мог спокойно переносить любые возражения, не терпел критики. С первых же дней пытался превратить прокурора в свою служанку. Когда же из этого ничего не получилось, создал невыносимые условия в работе.

Года через два в одном из колхозов района мною был изобличен в хищении колхозных средств бухгалтер – секретарь первичной партийной организации. По моему представлению бюро райкома по настоянию секретаря объявило ему всего лишь выговор. Пришлось через прокурора края Верещагина вносить представление в крайком партии. Решение бюро было отменено. Однако и вторично вор не был исключен из партии. Дважды вмешивался в это дело крайком. Упрямство секретаря было безгранично.

Пришлось по совету прокурора края арестовать расхитителя, а его партбилет отнести секретарю райкома. Отношения еще более обострились после того, как я выступил на партконференции с критикой секретаря и его стиля руководства. Дело дошло до того, что на меня

стал собирать компромат начальник КГБ, и нашел! У меня жила на квартире 15-летняя девушка – немка, в качестве няни-домработницы, так как моя жена работала и малолетнего сына оставлять было не с кем. Так вот, начальник КГБ установил, что отец этой девушки репрессирован по ст. 58-10 УК. Прокурору края пошла донеска о потере прокурором района революционной бдительности. Лев Николаевич Верещагин посмеялся, но, как он выразился, чтобы не злить собак, все же объявил мне выговор.

Вот в таких условиях пришлось работать первые три года.

В 1955 году я и прокурор Тальменского района Иван Никитич Серкерис были направлены на годичные курсы переподготовки в Ленинград.

Полученные на курсах теоретические и практические знания в дальнейшем значительно облегчали работу по надзору за соблюдением законности в районе.

В январе 1958 года мне в порядке поощрения был присвоен классный чин младшего советника юстиции. В последние годы работы в Тюменцевском районе отношения с секретарем РК стали нормальными. Поняв бесполезность своих амбиций, он стал считаться с мнением прокурора.

В феврале 1958 года я был назначен прокурором Родинского района. Район большой, штат в прокуратуре – всего 2 человека. Перед моим назначением должность помощника прокурора была сокращена. Работы было много: проверки по общему надзору, судебный надзор, надзор за следствием и органами милиции.

В Родинском районе я проработал до января 1962 года. По состоянию здоровья (потерял слух) был переведен помощником прокурора Ребрихинского района, где снова встретился с прокурором Бабаковым.

До сентября 1962 года работал помощником прокурора, а как только восстановился слух, стал работать следователем прокуратуры и работал до апреля 1966 года. В эти годы прокуратура переживала период реформ, образовывались межрайонные прокуратуры.

Так, Ребрихинская прокуратура обслуживала Шарчинский и Тюменцевский районы. Прокурором межрайонной прокуратуры был назначен партийный выдвиженец Шушунов. Помощниками прокурора работали бывшие прокуроры Нечаев, Бабаков, а я следователем.

Шушунов проработал в Ребрихе около года. Запутавшись в любовных похождениях, с работы был снят, и на его место в Ребриху был переведен из Троицкого района Тенегаяев. С ним пришлось работать

недолго, в апреле 1966 года по моей просьбе прокурор края Викулин издал приказ о моем переводе следователем в Троицкий район.

Я снова вернулся в родной район, где впервые начинал работать в прокуратуре.

Здесь я проработал следователем 13 лет.

За эти годы в основном расследовались дела об убийствах, изнасилованиях и дела о несовершеннолетних. Ежегодно в районе совершалось от 5 до 10 убийств. Особенно запомнился 1969 год. В том году был совершен ряд тяжких преступлений. Это дело об убийстве при попытке изнасилования девушки Асановой в лесу около озера Петровского, убийство секретаря комсомольской организации колхоза «Красный Алтай», убийство учительницы Горновой и другие.

Ряд дел – краевой подсудности. По трем делам по ст. 102 УК в отношении подсудимых была вынесена высшая мера наказания, и приговоры приведены в исполнение.

За все время работы следователем прокуратуры у меня не было нераскрытых дел.

Начиная с 1967 года, за хорошие показатели я поощрялся прокурором края, Генеральным прокурором СССР, ЦК профсоюза работников госучреждений, дважды по итогам работы признавался лучшим следователем края с выдачей свидетельства и ценного подарка.

7 мая 1975 года в порядке поощрения приказом Генерального прокурора мне был присвоен классный чин советника юстиции.

За все время работы в органах прокуратуры я не имел ни одного дисциплинарного взыскания.

С войны в прокуратуру

Чеганов Федор Еремеевич, 1923 года рождения, участник ВОВ. В прокуратуре Алтайского края служил в 1950-1983 годах: следователем Славгородского района, Железнодорожного района г. Барнаула, помощником прокурора Центрального, Октябрьского районов г. Барнаула, заместителем прокурора Октябрьского района г. Барнаула, прокурором уголовно-судебного отдела крайпрокуратуры.

В 1944 году на фронте меня тяжело ранило, но, едва оклемавшись, я поступил в Ташкентский юридический институт.

В послевоенные годы еще долго были тяжелые условия: карточная система, дефицит продовольственных и промышленных товаров, разруха производства, обнищание села.